

СЕРГЕЙ СПАСКИЙ

~~88.71~~

С-212 п

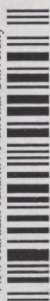
209782-уч

ПРОСТРАНСТВО

ГОСЛИТИЗДАТ

1 р. 25 к.

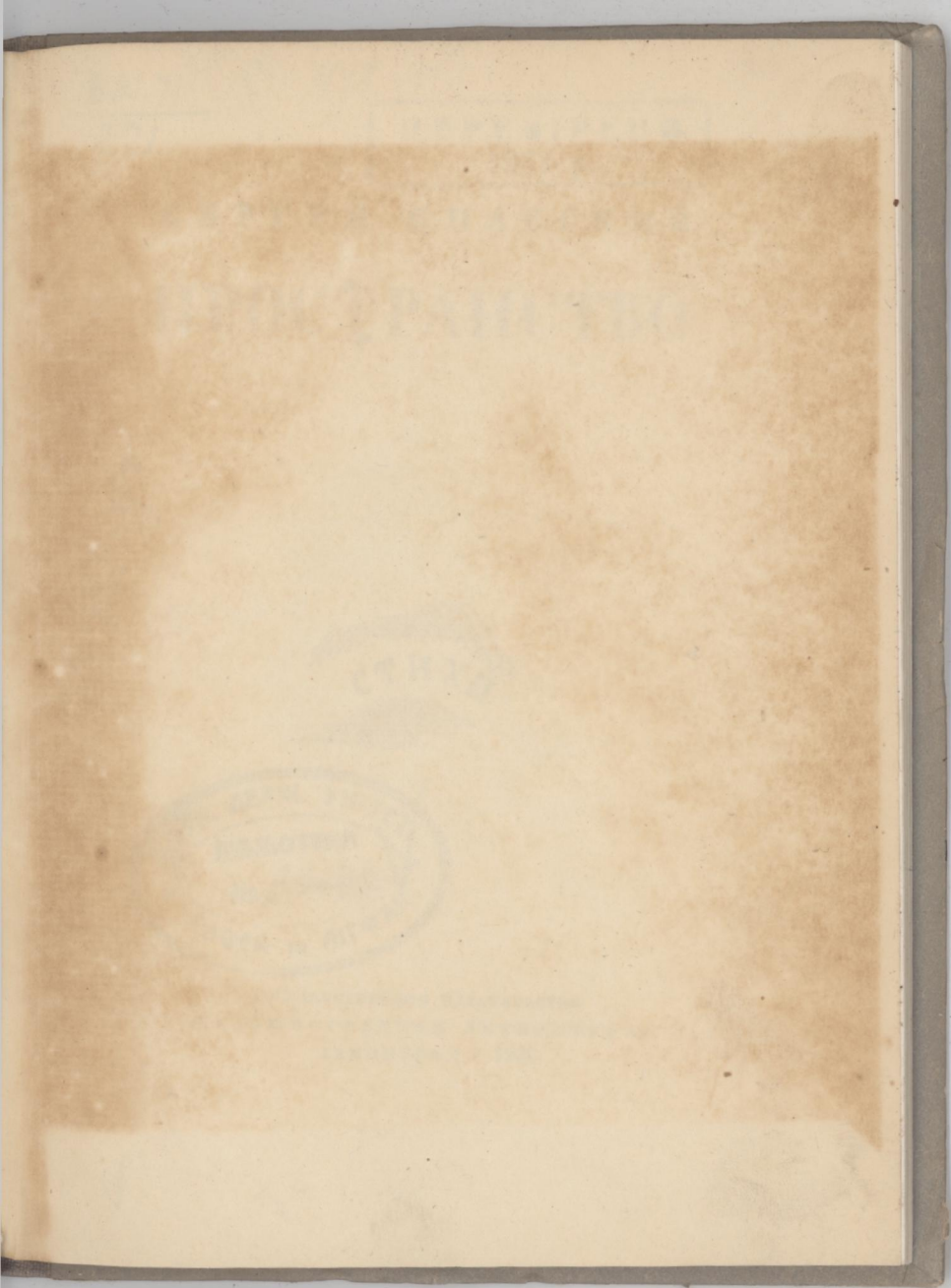
V.N. Karazin Kharkiv National University

00621815

3

PK-1

891.71
С21.

С-712-17

ПЕРЕВІРЕНО
1937 р.

СЕРГЕЙ СПАСКИЙ

ПРОСТРАНСТВО

209782-28
✓

СТИХИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАД • 1936

58

✓ 51

72

С—71

Переплет, титул и шмуцтитула
работы художн. С. Пожарского

79
мз

1

73

ПОЕЗДА

Поезда перебирают клавиши
Шпал.

Я брал дорогу не одну
В эти дни.

Слои пространств буравишь

Станции цепляются к окну.
У других — дома непереносного
Камня, недвижимых кирпичей,
Мой же — на фундаменте колесного
Гула.

Ребра рельсовых лучей
Под него скользят толчками, спазмами.
У других вблизи —

друзья, жена,
Я ж отрезан далями напрасными
От своих.

Вся жизнь подожжена,
Словно нефть, что пламенем пропитана
В паровозных топках.

Словно гроздь
Искр, что взмылась из трубы.

Летит она
В сторону от насыпи.

Я врозь

С близкими.

Но не томлюсь, не сетую,
Революция,
твой ученик,
Я с твоею памятью беседую,
К трудным замыслам твоим приник.
И влеком скрежещущей дорогою,
С корнем вырванный из тишины,
Я одежды световые трогаю
Торжествующей вокруг страны.

СЕВЕР

Здесь бы жить..

Жужжит дрезина звонко.

Снег изрезан солнцем.

Грозный хор

Гор истертых.

Ветер — будто пленка

На лице.

Просторов разговор.

Елей стреловидных поселенье.

Под сугробом кружится вода —

Речки спрятанной сердцебиенье,

Озера промерзлая звезда.

Домики уронены по склонам.

Здесь бы жить

в бревенчатом гнезде,

Радоваться отблескам зеленым

Неба, подступившего везде,

И дробить всей правдой, сжатой в теле,

Толщу вьюг

и рвать ветров ковры

С теми, кто подвесить захотели

Город, как фонарь, на край горы.

И, следя ущелий уползанье,

Слушая полярной ночи тьму,

Новые напечатлеиь названья
Камням, влагам, впадинам
— всему.

Но сейчас...

Прохладою по коже
Ветер гладит.

Солнце.

Плиты льда.

Чистый день,
на молодость похожий.

— Я не раз еще вернусь сюда.

КИРОВСК

Здесь город нов.

Его слагали так:

В слоистом ветре прорубали норы,
Многонедельный вспарывали мрак.
Мороз был тверд.

Неизмеримы горы.

В сугробы вставлен красный глаз костра.
Брезентовые коробы палаток
Теснила выюга.

Глуховат и краток

Вбегал в ущелья возглас топора.
И каждый гвоздь, доски сосновой мякоть
Пронзающий, был памятен руке,
И каждый шаг в крошечном сквозняке
Был доблестью, перед которой плакать
Иль петь, или замолкнуть — все равно.
Дежурили вокруг, нахмутив брови,
Стряды сосен.

Каждое бревно

Паек вобрало воли, мысли, крови.
Я знаю жизнь. И высь ее и дно.
Она на вкус напоминает порох,
Она на глаз — как ночью столб огня,

Иль горным кражем взглянет на меня,
Иль вздрогнет, словно конь, зажатый в шпорах.
И вот меня не обезличит страх.
...Я видел город, строенный в горах.

БОЛОГОЕ

Пасмурное знаю Бологое.
Озеро пологое.

Гурьбою
Собрались сирени у крылец.
Наспех тучи бродят над низиной.
Дождь накрыл плетеною корзиной
Домики.

— Когда ж ему конец?

Ветер на дрезине вдоль вокзала
Ездит.

Будто черные зеркала
Лужи нефти вдавлены в песок.
Паровозов кованые зданья
Вкруг депо.

Из труб без опозданья
Дым взбухает, пухл и невысок.

Промежуточный, междустолычный,
Захороненный в ночи безличной,
Ты —

воображаемая ось
Перекутий —

городок,

которым

Нет числа.

Но раз, будто забором,
Ты историю переделал насквозь.

Добирал февраль остатки чисел,
Теплый ветер голос свой возвысил,
Снег сырел.

Туман набряк с утра.
Были шторы спущены в вагонах,
Окна вдоль перрона, как в поюнах,
Двигались.

Кряхтели буфера.

Вытянуто, замкнуто, не валко
Шествовал подобьем катафалка
Поезд,

внутрь себя вобравший власть.
Руки плавно семафоры взмыли,
Как гвардейцы для приветствий

или
Как убийцы, чтоб врасплох напасть.

Он прошел и кончено.

Речисто
Бьется аппарат телеграфиста.
Окликает в хриплый телефон
Станции окрестные дежурный.
Небо опрокинуто урной
Тесно прилегло со всех сторон.

Чай в стаканах вянет по буфетам.
Ночь всерьез замешкалась с рассветом,

Зевота завладевает ртом.

Или это снится?

Что за милость?

Что в твоём полете надломилось?

Вспять ползешь

с надломленным хребтом.

Ты навязчив,

ты как призрак, поезд,

Вьедчив.

Чьей заботой беспокоясь,

Тычешься, просторы беребя?

Разве рельсы треснули?

Крушение?

Нет, ты стал подвижною мишенью,

И восстание делится в тебя.

То из ям Ходынки,

от булыжной

Площади дворца,

из неподвижной

Глубины Цусимского котла,

С мерзлых тротуаров Пресни,

с фронта,

От заводов, с тыла, с горизонта

Месть твой путь петлей пересекала.

Светлый воздух холоден в салонах.

Грудь теснит от помыслов соленых.

Сырость наползает из земли.

Как сквозь сон, выходит на ступеньки

Тот,

чей профиль резко втиснут в деньги,

В быстрые полтины и рубли.

Нет проезда.

Ночь — будто канава.

Слева Петроград.

Москва направо.

В грудь штыки.

Все чуждо. Все — равно.

Царь читает надпись: «Бологое».

Вот где кончен разговор с судьбою.

Тонет жизнь, как ключ.

И близко — Дно.

* *

Если проплываешь ты Окою,
Вкрадчивой, извилистой,
какой
Выбор далей кружит под рукою,
В солнечный украшенных покой.

Вот он, городок, на многолесном,
Многохолмном берегу.

И в нем
Яблоки в саду, в соседстве тесном
Радостным румянятся огнем.

Если попадаешь ты на праздник,
Вся окрестность травами горда,
И по ним из сел разнообразных
На смотрины сходятся стада.

Площадь под толпой, как под водою,
Флаги суетятся у ворот,
Чествуя обилие удоя,
Стать разноплеменную пород.

А когда задумается длинный
Вечер и замолкнут небеса, —

Шествуй шелестящею долиной,
Заключенной в крупные леса.

Нет, ты грусти не подвластен косной.
Свежий месяц на заре остер.
Издали оркестр дохнёт колхозный,
Будто раздуваемый костер.

ТИФЛИС

1

Над павною, над прихотливой ложбиной,
Где дружат дома, — сколько их собралось, —
Где воздух задумался, весь голубиный,
Задремающий, просохший насквозь,

Где перелетают все выше и выше
Балконов развернутые веера,
И слышишь — гортанно беседуют крыши,
И их раздвигает, воркуя, Кура,

Где город позванивает наковальной
И молит, чтоб горы его сберегли,
А горы встают округленной, овальной,
Как вздохи и выдохи тихой земли,

— Я тысячу лет простоял бы, не споря,
В одежде дорожной, не молод, не стар,
Над складками этого тесного моря,
Над волнами зданий, над вспышками фар,

Чтоб зори накапливались и ржавели
И сердце молчало б, и слышал бы я —
На звучный, как скрипка, проспект Руставели
Выходят стихами меняться друзья.

2. ПРОСПЕКТ

Он распластан тающим лучом.
Сети звезд в бумажный сон акаций
Впутались. Заботы совлечем,
С юностью пойдем перекликаться
И задумаемся. Но о чем?

Так пахуч, так сытен, изобилен
Воздуха благотворящий сок.
Из каких невидимых давлений
Желобами мрака он притек?
Я закупорить его бессилён
В стих, словно в надломанный сосуд.
К этой ночи мы пришли на суд
И оправданы без опозданий.
Сизые карнизы сонных зданий,
Будто губы, грудь небес сосут.

О, я знаю, ежели на свете
Сохранилось счастье про запас,
То оно раскладывало эти
Улицы, словно ковры, для нас.

И оно балконы застеклило...
Или сам я, вдруг прозрев от мглы,
Вижу — горы дремлют крутокрыло,
Будто утомленные орлы.

Жизнь, ты напрямик заговорила,
Полновластием своих щедрот,
Как цветы, как звезды откровенна,
Как любовь, настигшая мгновенно,
Иль украшенный улыбкой рот.

Мы скользим, как по скрипичной деке,
По проспекта высохшей коре.
Я в долгу у Грузии. Навеки...
Мы сойдем к щебечущей Куре.

3

Что любовь? — Пускай воображение,
Но она мне направляла вниз
Глаз моих несытое кружение
В угнездившийся у ног Тифлис.

И она тревожилась, гадая,
У какого именно моста
Там Кура смеялась молодая,
У небес заимствуя цвета.

И, пройдясь по всей клавиатуре
Зданий, отозвавшихся сполна,
Тишины сестра, подруга бури,
Об одном заботилась она:

Чтоб из всех знакомых раньше Грузий
Я бы захватил в просторный путь
Ту, что этот день мне в сердце грузит,
Ту, что вдруг мне расщепила грудь,

Так легко, как входит в тело пуля, —
Чтоб я помнил эту смерть потом,
В нашем робком небе карауля
Память о потоке золотом.

4. МОГИЛА ВАЖА-ПШАВЕЛЫ

Уступы травы тяжелели,
Цветы, костеней, легли
На вверенном Важа-Пшавеле
Пласте загорелой земли.

И мрамор еще не обтесан,
В ограду не скручен чугуи,
Лишь ветер стучит по откосам
Оборванной связкою струн.

Все трезво. И пусто. И просто.
На плоской могилы ступень
Встал неизмеримого роста
Просторы приемлющий день.

И в небе литом и пологом
Плывет, обнажен напоказ,
Слог перемещая за слогом,
Гор вольнолюбивый рассказ.

Лишь с ними тягаться условясь,
Им в простосердечьи равна
Поэм его, нищих, как совесть,
Обветренная крутизна.

И этой прямой немостою
Открытых небес нагружен,

Такой безысходно-простою
Стать правдой осмелился он.

Но что бы мы — зависть иль славу,
Как тень, ни влекли за собой, —
Он все ж настигает, по праву
Отпущенный, нужный покой.

И ты, замурованный в гору,
Как щит отслуживший, лежишь,
И, видно, пришлась тебе впору
Вокруг многогорбая тишь.

А стоит чуть-чуть накрепиться
К свернувшейся улиц резбе, —
Там звуков бредет вереница
Сюда, на свиданье к тебе.

АРАРАТ

1

Как выразиться современнее?
Автомобили, гарь вокзала...
И вот ветрами ночь Армении
Вагоны накрест обвязала.

И, утомясь от нагревания,
Внедрив тепло в глубокий камень,
Ныряют зданья Эривани,
Постреливая огоньками.

И окон вздрагивают впадины,
И поезд прыгает, как заяц,
От изнурительной громадины,
Застрявшей в сумраке, спасаясь.

Она стоит, и небо клонится
Под тяжестью ее нажима,
Она, как выдумка бессонницы,
Как старость, неопровержима.

Ее в тысячелетья вклиненным
Раздумьям не сыскать закона.

И вывеской на небе глиняном
Над нею росчерк Ориона.

Ее безмолвие горбатое
Полно такой громовой дрожи,
Что кажется немой, как статуя,
Вся жизнь, которую я прожил.

И что здесь? Грудь открыть под выстрелы?
Уметь погибнуть без возврата?
Чтоб вынести тебя хоть издали,
Двуглавый сумрак Арарата.

2

Виноград — это рай. Сколько радостных глаз
У лозы. Сколько слез.

Оттяни, оторви
Гроздь прозрачных углей, что от солнца зажглась,
И засмейся, и заговори о любви.

Взроем черствую землю вокруг. И звонка,
Перекручена встанет лоза как скелет.
Мускулистые кисти подвяжем, пока
В эти ядра не вселится солнечный свет.

Вся прохлада подземная в них вобрана.
Жидкость вязкая — сладкий, сгустившийся зной.
Тополей веретена дрожат. Тишина.
Арарат — он сегодня, как небо, сквозной.

Застучат погремушкой копытца овец,
Тени вытянут шеи, сухи и смуглы.

Значит, вечер родился. Работе конец.
Мы поставим под звездами наши столы.

Журавлиные горла кувшинов нагнем.
Жизнь, как ветер, играет, не зная преград.
И тогда горьковатым и черным огнем
Пусть заплещется в кружке моей виноград.

МАТЕРИАЛ

Так, значит, упорным историком
Я с возрастом стал.

Вот тетрадь,
С которой по домикам, дворикам
Спешу, как в мешок, собирать
Лом утвари ветхой,
образчики

Тряпья,
неподметенный прах.

И сыплют вразброд мне рассказчики
Слова об истлевших годах,
Соря, будто пеплом,

и путая,
Топчась на задворках быльи,
В погоне за главной минутою,
Какую затребовал я.

И вдруг сквозь признания бедные,
Записок пласты вороша,
Дохнёт революций победная,
Не знавшая страха душа.

И сразу все поле прополото,
И тотчас промыто стекло,
И в руки крупинками золото
С единственным блеском легло.

Так под раскаленную славою
Борьбы

я бродил не извне
Выносливой Нарвской заставою,
Карабкался по крутизне
Времен.

И казались бассейнами,
Наполненными кипятком,
Цеха, что зовутся литейными.
Я стал с их природой знаком.
И мне отзывались прокатные,
Мне кузниц шипела заря,
Со мною здоровались знатные
Путиловские токаря.
И снова

не прихоти вымысла
Ловлю, наклонясь из окна,
Но все, что страна моя вынесла,
Чтоб стать тем,

чем станет она.
И каждая станция книгою
Раскрыта.

— Сойти и прочесть.
Я залежи прошлого двигаю,
Чтоб помнить

грядущего честь,

Ужасно, ужасно, ужасно
всё это

А вонки на стене
Высочайшей Палаты
Карабана де Артези
Вреще.

И вонки на стене

Насколько слышно

Царя, то слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

И что слышно

РЕБЕНКУ

То сгибая мостом, то прямя шелковистое тело
(В теплом горле горошиной крупной колотится
трель),
Свежей жизнью кормясь, только б дочь с каждым
днем веселела,
За постельною сеткою всплескиваясь, как форель.

Вот возносятся кверху ладоней горячие звезды,
То раскинутся руки, то быстрым сомкнутся
кольцом.

И в усилии метком отрадно схватиться за воздух,
Как за чистые струны, натянутые над лицом.

Своей гостья, о, как своевременен приезд твой,
Так всплывает рассвет, хоть его не узнай, не зови.
Растворяются окна.

Мой стих удивленный,

приветствуй

Прибавление длинной, совсем бескорыстной
любви.

«Будь же счастлива, Мери».

Да будет легко тебе иго

Тяготений земных, и смела твоя поступь и стать.
Пусть улыбкой твоей начинается новая книга,
Та, что на языке,
что я смею еще написать.

2. ПРОГУЛКА

Парк в облачении светов резких,
Луг вспыхнет, как стекло, насквозь.
Крон шаровидных, хрупких блесков
Воды — тут вдоволь набралось.

Ты едешь в челноке колесном.
А солнце мощным бубенцом
Повисло над твоим серьезным
И успокоенным лицом.

И познаешь ты без отсрочки
— Вот жизнь.

И трогаешь ее.

Вот слипшиеся оболочки
Дерев.

И это все — твое,

Твоей заботы ждет, о друг мой.
И облака, как поплавки,
Сдвигаются толною крупной
По знаку крошечной руки.

И день играет, низвергая
В аллеи пламень голубой.
— Тебе не страшно, дорогая?
...Я наклоняюсь над тобой.

ШАР ПРОЛЕТАЕТ НАД ДЕМОНСТРАЦИЕЙ

Он вспрыгнул, отделясь от грозди,
Иль выронен из детских рук.
Он с крышами сравнялся в росте...
Вглубь площади садится круг.

И, воздухом упруго всосан,
Остановился.

И слегка

Ползет по ветровым откосам,
К нему прижались облака.

Знамен, словно горбатых арок
Внизу постройка,
трубный спор.
Вольноотпущенный подарок,
Он выслан праздником в простор.

Обломок майского спектакля,
Частица гимнов и прикрас,
Светись, раскрашенная капля,
И угасай, скользя из глаз.

И любу вглядываться детям
В пятно на вогнутом стекле.
Мы маршем твой уход отметим,
Ступая веско по земле.

* * *

Среди сумерек, ожесточений и дел
Я простейшей тоскою сегодня отыскан,
Чтобы знать ее не по давнишним распискам,
Чтоб я заново облик ее разглядел,

Чтобы пальцами загородив мои веки,
Будто гипнотизер, мне внушала она
Все, что ведомо ей о простом человеке,
Как скользит он и как достигает до дна.

Сколько способов горечи есть, отмиранья,
Превращения в камень, распада в песок,
Когда осень и тянется сосен собранье
И залива мне к горлу подходит кусок.

И себе я шепчу:

— Пережди, удержишься.
Есть пробелы в душе, есть в работе простои.
Ночи будто из угля.

Смерть всюду, где жизнь,
Где любовь.

И тогда она дело простое.

* * *

Весна, как в первый день творенья,
Лучи желтеют вязким клеем,
И вновь сиреней оперенье
Блестит по парковым аллеям.

Шуршит, посверкивая ртутью,
Вдоль узких лодок ткань залива,
И липы встали грудь за грудью.
Касаясь неба болязливо.

Поскрипывает крупный гравий,
Трещат велосипедов спицы.
Мы здесь. Мы улыбнуться в праве,
Мы в праве жизни удивиться.

И мне отчаиваться рано,
Меня не свяжет равнодушие.
Со мною стих — моя охрана,
Со мною мысль — мое оружие.

Мне ведомы условия боя,
Я молний изучил алфавит.
Но и, весна моя, с тобою
Ничто расстаться не заставит.

И, тихо доходя до края
Волнистой водной оболочки,
Я по сиреням измеряю
Достоинство случайной строчки.

* * *

Я дышу. Я не бывал свободней,
Чем в соседстве сосен золотых.
Этот день не кончится сегодня.
Так неизмерим он, так он тих.

Каждый звук тут обозначен резко,
Как в увеличительном стекле,
В воздухе, шлифованном до блеска.
И струятся травы по земле.

И грохочет ветер. Загляни-ка
Вниз, где мох бугром мохнатым лег, —
Это накалилась земляника,
Как шероховатый уголек.

Заросль папоротников резная,
Кружевные их воротники.
Видишь? Но о чем я? Как я знаю,
Что один я, все вы далеки.

С кем же я беседую в рогатом,
Красностволом, трубчатом лесу,
Где цветы стоят шатром богатым?
Их огни кому я принесу?

Каждый звук тут отделен от звука.
Птичий крик, как будто острие,
Ранит и царапает.

Разлука,
Широко вместилище твое.

Измерять тебя я не устану.
Мне твои границы не тесны.
... Оземь стукнут, как по барабану,
Шишки, рухнув с пламенной сосны.

Домъ, гдѣ былъ въ то
Торжественъ мѣсяцъ свѣтъ
Но спитъ въ немъ все
Спокойно въ тишинѣ
Мирно спитъ

Насъ Александръ Михайловичъ
Князь нашъ былъ великъ
И великъ князь не былъ
Людямъ въ жизни чуждъ

ПЛОЩАДЬ МАЯКОВСКОГО

Пустота... Летите, в звезды
врезываясь.

«Сергею Есенину»

В. Маяковский

Высокорослая семья
Домов сера, как на экране,
И пасмурна.

Их участь я
Не мог бы угадать заранее,
Хотя не раз, не два, не сто,
Но повседневно, опуская
На каменное решето
Той площади, меня Тверская,
Бывало, выдыхала.

Там

Я жил, лишь отступить за угол.
Трамвайный медный ветер стукал
По крупно струганым крестам
Оконных рам, по грубоотканым
Морозным стеклам.

И мое,

Как вздернуто подъемным краном,
Качалось угловое жилье.
Я выходил скликать не раз
Стихи из переулков гнутых.

Я молод был и прядал в путях
Влияний многих и прикрас.
Случалось мне и на Тверскую
За строчкой выскочить в ночи.
Так забегают в мастерскую,
Ища отмычку иль ключи.
И в общем тыщу раз за угол
Шагнешь. —

Вон площади дуло.
Театра арка, цирка купол.
Зимой над трубами кругло.
Весь день осанистые дымы
Стоят, как статуи, в мороз.
Деревья сквера нелюдимы.
Сквер жестким инеем оброс.
Кто подсказал бы в те года мне,
Что площадь выступит как весть,
И, расступясь, объявят камни,
Что чья-то жизнь ушла, но есть
Ей заместительница — слава,
Что жизнь была предместьем к ней.
Кто знал, что площадь лишь оправа
Для памяти, лишь оттиск дней,
Принадлежавших одному из
Прохожих.

— Он еще вчера
Шел, тем же словом именуясь,
Что въелось в зданий номера.
Он сам бы стал втупик, пожалуй,
Узнав, что слишком близок час,
Когда он превратится в часть
Москвы.

От этой мысли шальной
Он, тростью в тротуар стучась,

Шагнул бы прочь.

Спеша сквозь ворсы
Бульваров, сжав подкову рта,
Он в стих бы собственный уперся:
— Есенин... Звезды... Пустота,
И бормотал бы у почтамта
В проезда сплюснутой трубе:
— Других толкаю жить. А сам-то? —
И что-то пожалеть в себе
Успел, в подъезд внедряясь.

Или

Друзей окликнул бы...

И вот,
Встряхнувшись, рассказал бы Лиле
За чаем этот анекдот
И закурил бы:

Рановато...

А впрочем, площадь не плоха.
Лет через сто б. такую плату.
Я поживу еще пока.

СТРАТОСТАТ

1

По полю брошенною оболочкой
Он шевелится, вздыхает.

В него
Вдавливают сгустки тихого газа,
Он набухает по мере рассказа,
И округляется с каждой строчкой
Ткани пружинистое вещество.

Складки клубятся, толстеют и вместо
Ямин всплывают холмы, усили
Тягу по выпрямившимся канатам,
Он уже коробом вспучен горбатым.
Так созревает и пыжится тесто,
Так, не остыв, волновалась земля.

Так создавалось миров изобилье,
Глухо пузырилась вязкая слизь,
Материки выжимались из жижи.
Он, словно гриб, подымается выше,
Шапкой ушастой качается. Крылья
Прожекторов сквозь него пронеслись,

Что-то в нем есть от цветка, от молюска,
От студенистых медуз и от звезд.
Сумраком биологических сказок
Он порожден (так мне кажется).

Вязок,

Будто клуб пара, протянуто узко
Горло его.

Вот он встал во весь рост.

Многоэтажная капля повисла
У небосвода на мерзлой щеке.
Сколько предшествовало ей заботы,
Мысли членились, стучали заводы,
Формулы искрами сыпались, числа
Щелкали дробно, как кости в мешке.

Каждый сустав порождался впервые,
Связки, каркасы, слоистая ткань,
Стекла приборов, смотрящие метко.
На мускулистых руках пятилетка
Няньчила, песни свои вихревые
Пела ему:

— Образуйся и встань.

Да. Вдохновеньем, как спиртом, я вымыт
И как росой освежен.

И вокруг

Вижу страну от зари до востока,
Слышу напор временного потока,
Климат вокруг громоздится на климат,
Север сверкает и ластится юг.

Горы клинками врезаются в мякоть
Ветра. Травую сияют луга,
Реки смеются, звон птиц над лесами,

Вьются в пустынях пески парусами,
Море приходит прибоями звякать
В туго натянутые берега.

Нет, нам не тесно. Упрямые и зоркие,
Всюду проникнем. В плетеном гнезде
Рушимся в шахты. Уходим под воды,
Кладонискатели, воздухоходы.
Неба невидимые переборки
Мы осторожно проверим везде.

Значит, под крышу воздушного дома
Будет матерчатый выслан сосуд.
...И над сугробами аэродрома
День самолеты на крыльях несут.

2

И жизнью отобранные трое
Висеть в тонкостенном ядре
Над хмурой земною корою,
Над самой высокой горою
В морозного неба дыре.
И, чтоб, разойдясь на частицы,
Плыл воздух как легкая сеть.
Чтоб в солнечный свет облачиться,
Отобранные трое —

висеть,
Запаянные в алюминий,
Как в продолговатый орех,
В дыре, что нам кажется синей,
Отобранные трое

— из всех,
Как сгустки породы железной

В пластах человеческих руд
Висеть
без подпорок
над бездной, —

Из тех, кого выучил труд,
Кто в топке войны пламенели,
Обугливаясь, кто в бою
Груз красноармейской шинели
Пронес, словно правду свою,
Кто норы кротовые роя,
Безводную толщу наук
Буравил,

— отобранны трое
С горячею хваткою рук,
С внимательной меткостью взгляда,
Три сердца, три крови и три
Простейших решения: надо —
И значит — вперед иль умри,
И значит — живи без границы,
Шар неба раздвинув кругом,
А если нельзя сохраниться,
То встретиться прямо с врагом,
Изведать познания жгучесть
И, не разменяв свою страсть,
Взять в руки разведчика участь
И первым на приступе пасть.

3

Вязким студнем расползлись туманы,
Ветром неуверенным задет,
В окна набивался, как в карманы,
Неопрятный дымчатый рассвет.
Закачались, как весы, трамваи,

И вгрызались в улиц косяки,
Сна напластования сбивая
По кускам со стен, грузовики.
Деревянные стучали вышки,
Извергая грузное добро
Древних почв, цедея песков излишки
(В эти годы строилось метро).
Своды наркоматов загудели
Трубами органами. Станки
По ступенькам срезанной недели
Топотали наперегонки.
Воздух был такого напряжения,
Что, казалось, тронь его, и он,
Словно колокол, придет в движение,
Уронив многопудовый звон.
Жизнь была вокруг такого сплава,
Что слова мертвели, онемев,
Вся знаменосная, как слава,
И огнеупорная, как гнев,
Что бы мы потом ни увидали,
Но да не сотрется, позабыт,
Будто вырезанный на медали
Лик ее.

И все же это быт.
Туч же рядом — упряжь повседневья,
Вспыхиванье светофорных гнезд,
Нищие бульварные деревья,
Путаница рельсовых борозд,
Кооперативные витрины,
Квартуполномоченных возня, —
Все, что я и в малом не отрину,
Как расписки времени храня.
Перенаселенная столица,

Вдоль которой правится, паря,
Вдруг сквозным снежинкам расстелиться,
Выдутым из груди января,
Та Москва, какой даны мандаты
Всю страну беречь в своей руке,
О которой думаешь всегда ты,
Как о неприступном маяке.
И над ней-то, над шагами всеми
Через час, нет — через полчаса,
Через минуту —

стратостата семя
Ляжет, будто в пашню, в небеса.
Сверху — голубиной стаей зданья,
Крылья крыш кружат, срываясь с мест.
До свиданья, город, до свиданья.
Утро. Продолжает заседанья,
Огражден Кремлем, партийный съезд.

4

Мы не на гору всходим,
Стави за шагом шаг.
Путь наш насквозь свободен.
Воздух гремит в ушах.
Трещинами пропорот
(скважины и зубцы),
Пористой губкой город
Виден во все концы.
И оттеснен глубоко,
Сморщивается, мглист,
Плоско сереет сбоку,
Будто увядший лист.
Снега берестяная гладь,
Синий мыс-лесок.

Поезд напоминает
    брошенный поясок.
 Мостика паутина,
    горстка щепы — село.
 В тучи пора войти нам.
    Шерстью заволокло.
 Хлопьями, мутной пленкой
    липкий ползет белок.
 Конечно. Вот он, звонкий
    вогнутый потолок.
 Резких лучей пучками
    вдоль изборождено,
 Небо, как цельный камень,
    сдавливает окно.
 Между ямой земною,
    между гондолы дном
 Вытянуто струною радио.
    — В основном
 Все хорошо. Пятнадцать
    тысяч. И мы бодрь.
 Можно еще подняться.
    Облачные ковры
 Виснут над нами низко,
    складками шевеля.
 — Только не надо риска, —
    глухо жужжит земля.
 — Нет, мы жуем закуски.
    Поднялись к двадцати.
 Мы говорим о спуске.
    Время назад брести.
 Мы говорим о Съезде,
    вставши на облака,
 Мы направляем вести
    Сталину и Цека.

Бродим по самой крыше...

Голос загас в гнезде

Рупора.

— Говори же,

«Сириус».

Где ты? Где?

5

А я измеряю внизу
Мои городские владенья.
Я воздух скрипучий грызу.
Нет я не заметил паденья.
Я воздух искристый, как лед,
Кусаю, ломая на части...
Когда оборвался полет?
Где первая вспышка несчастья?
Нет, я не расслышал призыв,
Приглушенный возглас, который
Пронесся, пространства пронзив,
Нигде не поддержан опорой,
Ничьей не подхвачен рукой,
Как молния пал шаровая,
Как гиля гондолы,

покой

Сугробов до дна разрывая.

Ложбина, кустарник, лесок...
Я вижу волнистое поле,
В которое, будто в висок,
Случилось ударить гондоле.
Снег взмыл, как при взрыве, столбом.
Тишь тронута ветром летучим,

И снова — дымиться кругом
Сомкнувшимся наглухо тучам.
Лишь к вечеру стало ясней.
Вот звездами поле накрыто.
И скрипы крестьянских саней
На поисках метеорита.
Прислушиваюсь. Прохожу,
Ну что же, ну что же, ну что же?
И воздух, подобно ножу,
Касается лезвием кожи.
Кружась, размножается весть
В газете, в молчаньи, в конверте.
И город сжал мускулы весь
От прикосновения смерти,
И весь выпрямляется он,
Став неумолимым и взрослым,
И вот над ладьями колонн
Знаменам плеснуться, как веслам.
И мерзлый рассвет указал
На поезда корпус короткий,
Что в башенный входит вокзал,
Как вор, осторожной походкой,

6

— Здравствуйте, вот вы приехали снова.
В грузовиках отдыхают цветы.
Тут бы в словах не забыть основного —
Сосредоточенности, простоты.

Да, ну конечно. Мы все под железным
Небом войны. Мы в лицо узнаем
Смерть. Мы бредем по расселинам тесным.
Нам не легко достается подъем.

Но непонятны дороги другие.
Дряхлый покой расщеплен на куски.
Вот вы вернулись назад, дорогие,
Ртами цветов дышат грузовики.

Тут поражение в рукопожатьи
Крепком с победой. Их, не разделя,
Чествует город, скрепленный печатью —
Оттиском многоугольным Кремля.

Смерть, как придешь?

Прикоснешься ль к аорте?

Сдавишь удушьем, закуркой жил?
Эту ж торжественную, словно орден,
Кто бы на грудь свою не возложил.

Смерть, как различны твои выраженья,
Жизнь, как вершины различны твои.
Каждое крепнущее достижение
Мужеством вскармливай, кровью пой.

Не останавливаемся, не ропщем.
О наковальни оркестров звеня,
Движемся, солнцем украшены общим,
Красною площадью нового дня.

Небо. Ступень за ступенью. Смелее.
Обоснуемся в тебе. Подожди.
И под граненой стеной мавзолея,
Урны сжимая, проходят вожди.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
1	
Поезда	5
Север	7
Кировск	9
Бологое	11
Если проплываешь ты Окою	15
Тифлис	17
Арарат	22
Матерна	25
2	
Ребенку	29
Шар пролетает над демонстрацией	31
Среди сумерек	33
Весна	34
Я дышу	36
3	
Площадь Маяковского	41
Стратостат	44

ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Надо напечатать</i>
48	9 сн.	Туч	Тут
50	9 св.	Конечно	Кончено

Спасекий „Пространство“.

Ответствен. редактор *А. Прокофьев.*
Технический редактор *Т. Иванова.*
Корректор *Н. Малков.* Ленгослит-
издат № 874. Леноблгизлит № 15628.
Тираж 3300. Сдано в набор 3/IV-36 г.
Подписано к печати 19/VI-36 г. Бума-
га $72 \times 110^{1/2}$. Уч. авторских л. 1,68.
Бумажных л. $1^{3/4}$. Типографск. зн. на
1 бум. л. 50048. Заказ № 1412. Це-
на 75 коп. Переплет 50 коп. Набрано
и отпечатано в типографии им. Водо-
дарского. Ленинград Фонтанка, 57.

